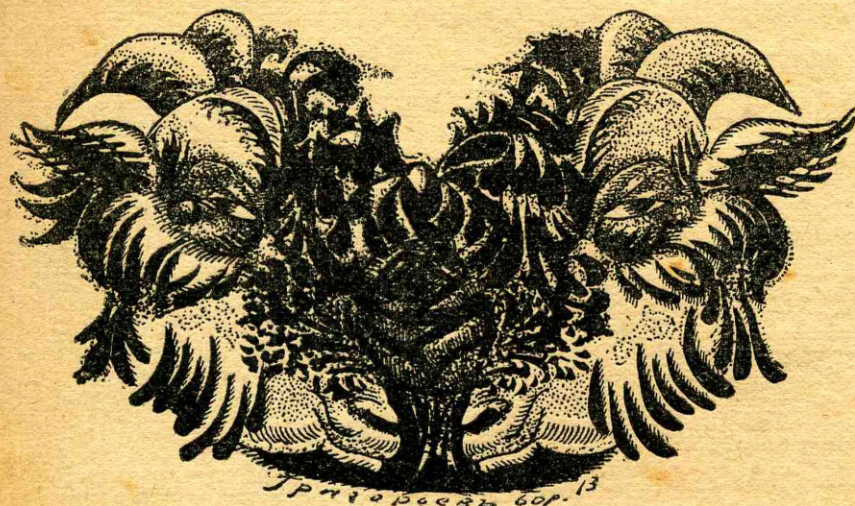

„Старованный Странникъ.“

АЛЬМАНАХЪ ИНТУИТИВНОЙ КРИТИКИ И ПОЭЗИИ.

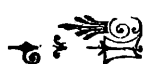
АПОЛОГІЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛЖИ.

«Единственная вѣзупречная форма ланья—это
ложь ради лжи, а высшей стадіей этого дарованья
является ложь въ искусствѣ».

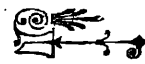
О. УАЙЛЬДЪ.

Димитрій Крючковъ

ВЫШЛА ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ:

„ЦВѢТЫ ЛЕДЯНЫЕ“

Издательство „Очарованный Странникъ“

Цѣна 35 коп.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

„ПАДУНЪ НЕМОЛЧНЫЙ“

ПЕРВАЯ КНИГА СТИХОВЪ.

Цѣна 50 коп.

Издательство „Петербургскій Глашатай“.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

„Синь огнетворящая“ (выходить осенью),

„Взмахъ кадила“,

„Лапландскіе стихи“,

„Аллея поющихъ тонко фонарей“ (Городскіе сны) и

„Голубокрылый бегемотъ“.

Адресъ автора: Спб. 3-я Рождественская ул., д. 6, кв. 5. Телеф. 208—91.

И-во „ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ“.

АЛЬМАНАХИ ИНТУИТИВНОЙ КРИТИКИ И ПОЭЗИИ.

Содержаніе выпуска перваго (ноябрь).

В. Ховинъ. Фанатикъ въ пурпуровой мантии.—**Д. Крючковъ.** Демимонденка и Лѣсофея (И. Сѣверянинъ).—**Келейникъ.** «Бѣсы» Достоевскаго и «бѣсы» Горькаго.—**П. О.** «Pour epater les bourgeois». **Вѣхинъ.** «Всероссійскій Литераторъ».

Содержаніе выпуска втораго (декабрь).

СТИХИ: Федора Сологуба, Игоря Сѣверянина, Димитрія Крючкова и В. Солнцевой.
СТАТЬИ: Викторъ Ховинъ. Силуэты русскаго декаданса. I. Печальный пилигримъ-предтеча.—**Д. Крючковъ.** Церковь въ Листвѣ (Ф. Жаммъ).—**Чеботаревская.** По поводу нѣкоторыхъ юбилеевъ.—**М. Бабенчиковъ.** Волшебство внезапное.—**Газтанъ.** Очередное недоразумѣніе. Библиографія.

Содержаніе выпуска третьяго (январь).

СТИХИ: З. Гиппіусъ, Игоря Сѣверянина, Рюрика Иванова, Димитрія Крючкова, Вадима Шершеневича, М. Струве и кн. Шахназаровой.
СТАТЬИ: Викторъ Ховина—Мѣдь гремящая и кимваль звучащій, Димитрія Крючкова—Критикъ-интуитъ (И. Анненскій). Памяти Игнатьева. Библиографія.

Цѣна 35 копѣекъ.

Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ и-вѣ.

Адресъ издательства: Невскій пр., д. 160, кв. 2. Тел. 45—90. В. Р. ХОВИНЪ.

Содержаніе выпуска четвертаго.

ПОЭЗІЯ:

Игорь Сѣверянинъ—

Рондо.

Весенній мадригалъ.

Димитрій Крючковъ—

Ты помнишь, какъ сплеталъ
любовь февраль.

Ты думаешь, что Солнце
золотое?..

Я на землѣ утѣхи знаю три.
Тредьяковскому.

Рюрикъ Ивневъ—

Смерть.

М. Струве—

На лыжахъ.

КРИТИКА:

Келейникъ—

Лимонадная Симфонія.

В. Ховинъ—

Поэзія талыхъ сумерекъ
(И. Анненскій).

Свѣнелъдъ—

Религія плюзии (А. Блокъ).

С. Вермель—

Театральное дѣйство.

БИБЛІОГРАФІЯ.

РОНДО.

Л. Гыдиной.

Читать тебѣ себя въ лимонномъ будуарѣ,
Какъ яхту грезь его принявъ и любя,
Взамѣнъ невѣрныхъ словъ, взамѣнъ шаблонныхъ арій
 Читать тебѣ себя.

Прочувствовать тебя въ лиловомъ пенюарѣ,
Дробя грядущее и прошлое, дробя
Второстепенное и сильнымъ быть въ ударѣ.

Увѣриться, что мѣръ сосредоточенъ въ парѣ,
Лишь въ насъ съ тобой, лишь въ насъ! И только для тебя
И только о тебѣ, вѣчная взоръ твой царій,
 Читать тебѣ себя.

Игорь Сѣверянинъ.

ВЕСЕННИЙ МАДРИГАЛЪ.

Въ душистомъ бѣло-розовомъ горошкѣ
Играютъ двѣ батистовыя крошки,
Постукиваютъ ножки по дорожкѣ,
Показываетъ бонна дѣтямъ рожки.
О, фрейленъ, Вы и пара Вашихъ крошекъ
Душистый бѣло-розовый горошекъ.

Игорь Сѣверянинъ.

* * *

Ты помнишь, какъ сплеталъ любовь февраль,
Какъ въ паркѣ было сине и свѣтло,
Какъ жадно мы вдыхали снѣга таль
И землю томную какъ нѣжная печаль
И хрупкое, ледяное стекло!
Ты помнишь, какъ чертилъ аэропланъ
Надъ шумностью налюденныхъ трибунъ,
Какъ мы съ тобой искали синихъ странъ
И вникнувъ въ ослѣпительный обманъ,
Такъ чаяли лученья новыхъ лунъ!
Ты помнишь (это было такъ давно),
Какъ въ тундрѣ мы срывали мелкій мохъ,
Глядѣлися въ озерное окно
И пили океанное вино,
Соленый, изумрудный, влажный вздохъ!
Ты помнишь... Знаю я, не помнишь ты,
Какъ въ этой домности забыли мы про таль,
Про скальности, про милья юрты...
О нѣжная, лучи твои черты,
Фіаль меня—настанетъ вновь февраль!

Димитрій Крючковъ

* * *

Ты думаешь, что Солнце—золотое?
О нѣтъ, оно зеленое подчасъ
И фіолетовый тебѣ покажетъ глазъ
И вдругъ появится внезапно—голубое!
Когда влюбленъ ты, развѣ въ этотъ день
Оно не розово смѣется надъ кустами?
А какъ томишься ты нелѣпыми мечтами
На немъ зеленая цвѣтетъ надежды тѣнь.
Воспоминанія плетутъ докучно сѣти
И фіолетовый глядитъ печально глазъ...
Въ крови запятнанный закатныхъ сновъ алмазь—
Еще мгновеніе—и будешь въ вѣчномъ Свѣтѣ.
Нѣтъ неизмѣннаго, все каждый мигъ иное
И это небо хмурится подчасъ
И голубой, зеленый кажетъ глазъ...
Напрасно думаешь, что Солнце—золотое!

10 февраля 1914 г.

Димитрій Крючковъ.

*
✽

Я на землѣ утѣхи знаю три:
Лѣсъ густолиственный, морей соленыхъ шумъ
И въ тихой прелести вечерни алтари,
Въ сѣдинахъ ладана, въ мерцаньи кроткихъ думъ.
Лѣсъ густолиственный, зеленый саккосъ твой,
Вѣнчанный митрою небесно-голубой!
Родимо-радостный, ты тьмою темъ листовъ
Шуршащій набожно безъ скудносныхъ словъ.
Валь мѣрно-зыблемый, текучій изумрудъ,
На днѣ таящійся осклизло-злбный спругъ,
Ты хлябей пѣнящихъ нѣмая глубина,
Хрусталь соленого, зеленого вина!
Звонъ еле слышимый въ дремотности полей,
Престоль въ сверканіи святыхъ семи огней,
Сѣдое облако дымящихся кадилъ
И сердца бѣднаго нѣмой и слезный пылъ...
Пока не сниду въ гробовой земли уклонъ,
Я на землѣ утѣхи знаю три:
Лѣсъ густолиственный, морей шумящихъ звонъ
И въ тихой прелести вечерни алтари.

1 Февраля 1914.

Димитрій Крючковъ.

ТРЕДЬЯКОВСКОМУ.

Мой неискусный и сомнительный сонетъ
Тебѣ позволь отдать осмѣянный піита—
Да, память о тебѣ насмѣшкою покрыта
Лишь для того, кто не былъ самъ поэтъ!
Въ чертогахъ золоченыхъ, легкихъ никсъ
На утрѣ дней блестящихъ Петрограда
Тебѣ судилась сладкая награда—
Улыбка Россіи Императриксъ.
Иныхъ вѣковъ непонятый инфантъ
Для грубой пошлости чудовищень и дикъ,
Ты, облеченный въ пудренный парикъ,
Путеводительный въ чащобѣ элѣфантъ.
Не риоменникъ пустой, нѣтъ, не таковскій—
Торжественный піита—Тредьяковскій!

5 февраля 1914.

Димитрій Крючковъ.

СМЕРТЬ.

Нарядный, вышитый шелками Невскій,
Коверъ изъ ногъ, ушей и быстрыхъ глазъ.
Шершавыя чуть шевелятся занавѣски
На окнахъ отъ запряганныхъ гримасъ.

* *
#

А бѣлый дымъ, сгущенный въ катафалкѣ,
Несется мѣдленной и ласковой рѣкой
И если это мартъ, то сонныя фіалки
Распродаются сморщенной рукой.

* *
#

Особенная тишина—въ ушахъ вуаль густая,
Дворецъ и мостъ, врачебный кабинетъ,
И если это мартъ, то снѣгъ, нарочно тая,
Вдругъ обнажаетъ каменный скелетъ.

* *
#

Мгновенье—стукъ, мгновенье очень страшно
Потомъ улыбка неприличныхъ губъ
И ротъ, который искренно покрашенъ
Глогаетъ сердце, воздухъ, дымъ и трупъ.

Рюрикъ Ивневъ.

НА ЛЫЖАХЪ.

Скользя безоблачнымъ раздольемъ
По свѣтлозолотому снѣгу,
Дыша морознымъ бѣлоподемъ,
Я преданъ лыжному разбѣгу.

* *
#

Когда мнѣ поле станетъ скучнымъ,
Я лѣсомъ медленно мелькаю,
И скрипомъ лыжъ короткозвучнымъ
Звучу, звеню, слѣплю, сверкаю.

М. Струве.

ЛИМОНАДНАЯ СИМФОНІЯ.

Поэзія тебѣ любезна,
 Приятна, сладостна, по-
 лезна
 Какъ лѣтомъ—вкусный
 лимонадъ.
 Державинъ.

За названіе прошу извинить меня—у меня и въ мысляхъ не было кого бы то ни было «эпатировать» титуломъ моей статьи. Хотя, конечно, если это привлечетъ больше вниманія, то пусть будетъ такъ. Хочу я говорить о печальной судьбѣ, заброшенности и гибельномъ положеніи русской поэзіи. «Позвольте!»—говорить тутъ недоумѣвающей обыватель изъ сочувствующихъ и слѣдящихъ за искусствомъ,—«въ чемъ же дѣло? Кажется, довольно интереса къ искусству! Лекціи читаютъ, книги издають, физиономіи раскрашиваютъ и даже торжественные публичные диспуты устраиваютъ! Чего же еще, какого рожна вамъ надо?» А вотъ мнѣ то и кажется, что въ лекціяхъ и въ диспутахъ и заключается быть можетъ самый опасный рожонъ, противъ котораго, по слову вицѣ—«не попрешь». Нужно сказать, что нынѣшніе диспуты напоминаютъ пѣтушій бой—публика сидитъ, наблюдаетъ, кто кого больнѣе клонетъ и въ сущности втайнѣ жаждетъ скандала или комическихъ сценъ. А г. г. художники изощряются передъ «почтеннѣйшей» и въ американской и во всякой иной борьбѣ; все выставляется наружу—личные счеты, партійная солидарность и наконецъ полнѣйшее отсутствіе дара говорить публично. Хорошо еще, если мнѣнія сталкиваются въ словесной области, какъ напр. это было на диспутѣ о «новомъ словѣ» въ Тенишевскомъ училищѣ. Гораздо хуже обстоитъ дѣло, когда на литературу начинаютъ напирать представители *торжествующей обществѣнности*—безразлично отъ того, являются-ли они новоявленными религіозниками или же принадлежатъ къ доброй старой школѣ испытанныхъ марксометровъ. Художникъ, слѣдуя евангельскому завѣту, прямо не успѣваетъ подставлять ланиты подъ оплеухи справа и слѣва. И притомъ какая завидная солидарность! Чуковский въ трогательномъ союзѣ съ апостоломъ религіи всеобщей сытости Коганомъ воспѣваютъ «массовая переживанія» и послѣдній восклицаетъ: «Нашъ экстазъ—отрицаніе вѣчности!»

Искусство вышло на эстраду лишь для публичнаго заушенія и оплеванія. Это не преувеличено, а много преуменьшено—попытки связать поэзію, оскотить творческое сознаніе дѣлаются каждый разъ все настойчивѣе и настойчивѣе. Неужели же это время, эти дни мы назовемъ расцвѣтомъ, днями повышеннаго и чуткаго интереса къ поэзіи? Вся исторія критическаго разбора поэтическаго творчества на Русь представляетъ собою, лишь за весьма

немногими исключеніями, своего рода крикливую и пустую «лимонадную симфонию». Сдѣланное нѣкогда Державинимъ опредѣленіе пришлось по вкусу и публикѣ и критикѣ: всѣ пріяли его—и тѣ, кому не даютъ говорить и тѣ, которые слишкомъ много говорятъ, отъ Писарева до Буренина—потому что, слава Богу, кто же не мелетъ чепухи о поэзіи, о стихахъ, о творчествѣ! Говорить о порчѣ языка, о вырожденіи, объ ядовитомъ вліяніи индивидуализма сейчасъ одинаково модно и принято, какъ у литературныхъ дамъ, такъ и у разбирающихъ съ плеча «товарищей-писателей» неомарксистовъ и псевдохристіанъ. Въ лимонадной симфоніи лейтмотивъ все время былъ одинъ и тотъ же: «Не забывайся, не прыгай выше носу! Эка невидаль, что складно пишешь!» Только и разницы, что одни склоняются на сторону «приятнаго и сладостнаго» лимонада, а другіе обуреваются высокими идеями и шцутъ даже въ отдохновеніи нѣкоей «полезности».

Мнѣ хотѣлось бы въ этой статьѣ показать весь размахъ и удалъ современныхъ «лимонадчиковъ»—вѣдь отъ надушеннаго, цвѣтистаго менюэта добраго стараго времени дошли же мы нынѣ до всеуравливающего танго, въ которомъ дружески смѣшались Коганы и Ортодоксы съ Карташевыми и Философовыми. Конечно, не убѣждать я ихъ хочу—напились эти герои сегодняшняго дня досыта «мережковщинной» и на указанія, что играютъ они на безструнной балалайкѣ, отвѣчаютъ словами Епиходова: «Для безумца, который влюбленъ это мандолина».

Относительно «приятнаго и сладостнаго» лимонада говорить много не придется. Плѣнительная утонченность и ажурность творчества Михаила Кузмина размѣнялись на мелкую монету Гумилевскаго экзотизма, а слѣдующіе за ними безчисленные виршедѣльцы уже въ силу инерціи воспѣваютъ менюэтъ и бабушкины портреты. Но есть одно громадное преимущество въ этого рода поэзіи—она вся въ формѣ. Пусть даже это понимается чисто-внѣшне безъ чувствованія ея внутренней сущности, пусть такъ, но все же поэзія этого рода не тормозитъ хода искусства, не гонитъ насъ назадъ къ эпохѣ топорныхъ освободительныхъ виршъ и дубово-идейныхъ ламентацій кощунственно именовавшихся стихами.

Опаснѣе обстоитъ дѣло со сторонниками и любителями «полезнаго лимонада». Здѣсь еще легче говорить съ героями вчерашняго дня—марксистами. Они, по крайней мѣрѣ, не смѣшываютъ картъ и являются все убожество своей «эстетики» при всемъ народѣ, не стѣсняясь и надѣясь все на тотъ же знаменитый здравый смыслъ „массовой психологіи“. Въ сущности говоря, чѣмъ рѣзче и истеричнѣе ихъ обвиненія по адресу свободнаго художества, тѣмъ лучше—мостовъ между *нами* и *ими* быть не можетъ и не должно. Они этого не хотятъ и мы поэты этого не желаемъ. Про долю твор-

ческую еще кудесникъ въ „Пѣснѣ о вѣщемъ Олеть“ сказалъ:

Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.

Единое содружество съ небесной волей нужно намъ и благодатно для нашего призванія. Дороги наши съ поклонниками толпъ и ихъ будничныхъ, осуществимыхъ цѣлей всегда шли разроно и не можетъ быть примиренія между нами. Мы—враги ихъ, но они не страшны намъ, а омерзительны какъ Передоновъ и прочая мелкая нечисть сѣрбующаго дня. Есть вѣдь не только святая любовь—должна и будетъ пламенѣть въ нашихъ сердцахъ божественная, *святая ненависть* къ стремящимся изнасиловать Психею и поселить ее въ домъ будничнаго, привычнаго разврата.

Но не такъ опасны враги явные, какъ крадущіеся въ маскѣ, съ Именемъ дорогимъ на устахъ—религіозная общественность нашихъ дней. Много вѣковъ жила Русь обаяніемъ одного Имени, одной вѣры и еще (который!) разъ хотять сдѣлать изъ святыни нашихъ сердецъ базарную площадь, затоптать полянки, опрокинуть келейки, запрудить ручейки студеной водицы святой. Была дана намъ высшая свобода—свобода хотѣнія, свобода утери души во имя художества и этой-то свободы хотять лишитъ насъ. Да не таковскіе мы—не дадимся!

Клянште насъ—намъ дорога свобода
И буйствуетъ не разумъ въ насъ, а кровь
Въ насъ вопіетъ всеильная природа
И прославлять мы будемъ вѣкъ любовь.
Въ примѣръ себѣ пѣвцовъ весеннихъ ставимъ,
Какой восторгъ такъ говорить умѣтъ
Какъ мы живемъ, такъ мы поемъ и славимъ
И такъ живемъ, что намъ нельзя не пѣтъ!

Почти четверть вѣка тому назадъ геніальный Фетъ создалъ это *сredo* истиннаго поэта и съ пламенной вѣрой мы вторимъ его словамъ, мы, разбившіе сердца наши какъ сосудъ альвастровый, чтобы сердечный, кровавый токъ чудотворяще преобразился въ благоуханное муро поэзіи. Въ часъ опасности, въ часъ гнѣбной бури зорко глядите поэты въ угрюмую ночь. Хочетъ поглотить ладью нашу тьма, но сверкнетъ дивный свѣтъ Фаворскій и по воле намъ придетъ къ намъ Избавитель, тѣтъ же мощный и древній, какъ и въ тѣ дни, когда море пополамъ Онъ раздѣлилъ для избранныхъ своихъ. И раньше были явленія темныхъ ликовъ, были поэты влачившіе

По прихоти народа
Въ грязи низкопоклонный стихъ.

Но пути петинные, пути къ лучшему Граалю были всегда скрыты отъ нихъ—пѣвцовъ до-

лины, пѣвцовъ ежедневнаго попеченія о нуждѣ минутной. Мы слышали, когда сливало насъ съ братьями одно желаніе и одно вкушеніе Божественныхъ Даровъ, забываемыя слова: «Всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе». Такъ неужели же не отложимъ ради Сущаго, поклонимся безглазому лику Тьмы и Пошлости:

Писанію внемли:

Предъ Богомъ Господомъ лишь преклоняй
колѣни!

Любимъ мы и Землю, любимъ и Жизнь—какъ обрядъ, какъ танство любимъ, какъ *волшебство*. И не страшимся сказать это слово—волшебство. Развѣ не побѣдилъ Моисей чары волхвовъ, развѣ не была ему, косноязычному, дана безсловесная мощность чуда? И мы всѣ—кудесники слова, магическіе заклинатели. Если мы водимъ хороводы, волшбу дѣемъ, такъ развѣ не свѣтлое заклятіе пасхальный ходъ вокругъ Божьяго дома, развѣ не магическая сила Воскресшаго въ повторяемыхъ словахъ и сверканіяхъ жаркихъ свѣчей? Въ этой магіи, въ благословенномъ волшебствѣ—единая сущность Искусства, единая и непреходящая его мощность:

Поэзія—не простодушный лимонадъ
И жреческая кровь затѣмъ лишь жарко рдѣетъ,
Да чаша сердца звонко золотѣетъ
И въ часъ молитвенный приемлетъ томный
ядъ.

Путь къ Граалю открылъ лишь простецъ святой—Парсифаль. А каждый поэтъ, истинный, горящій, свободный—развѣ онъ не святой глупецъ, у котораго чаша неземная засвѣтила съ неизглаголаннымъ свѣтомъ? Борьба наша съ похитителями Копья, оскопленными Клингзорами нашихъ дней только еще начинается. И если символизмъ желаетъ строить мосты для оскопившихъ себя рабовъ толпы и быта, поклоняющихся Маммону и въ жертву ему приносящихъ Золотую Книгу Христа и всѣ слова Его о нескончаемой злобѣ міра, то мы проклинаемъ и отрицаемъ *такой* символизмъ. Мы знаемъ, что въ этомъ вновь обрѣтенномъ символизмѣ нѣтъ ничего кромѣ пустоты звонкихъ фразъ и масокъ прикрывающихъ скопческое, угодливое лицо льстецовъ и любимцевъ толпы.

Къ музамъ, къ чистому ихъ храму
Продажный рабъ, не подходит!

Если Фетъ клеймилъ такъ служащихъ «прихоти народа», то и въ золотомъ звонѣ пушкинскаго стиха послышатся для нихъ, для возлюбившихъ брашна міра, злая укоризна и гордое отреченіе:

Не дорого цѣню я громкія права
 Отъ коихъ не одна кружится голова...
 И мало горя мнѣ, свободно ли печать
 Морочитъ олуховъ иль чуткая цензура
 Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ бала-
 гура...

Все это, видите-ль, слова, слова, слова!
Иная, лучшія мнѣ дороги права,
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
 Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа—
 Не все ли намъ равно?

Къ этой пушкинской, золотой свободѣ, сво-
 бодѣ художника и мага я призываю васъ,
 поэты Настоящаго Дня! Все тяжело и несносно
 намъ, всѣ цѣпи—будь это цѣпи неосимволизма
 или указка марксистскихъ механиковъ. Но рань-
 ше всего, но съ самымъ глубокимъ негодова-
 ніемъ мы отринемъ скопящихъ себя и искус-
 ство *новыхъ христіанъ*. И отринемъ ихъ потому
 что не понять и забыть имъ самый великій
 подвигъ, истинный подвигъ поэта—стезя про-
 рока—города. Лишь въ юродномъ отѣйковен-
 ніи міра засвѣтитъ для насъ Невечерній
 Свѣтъ и станутъ достижимы Фаворы пророче-
 ства. Проїдемъ же спокойно и вѣще среди
 обьснующихся и кричащихъ—великую радость
 намъ далъ Христосъ—быть творцами. И этой
 радости не изживемъ ни здѣсь, ни въ вѣкѣ
 будемъ.

Тоскливый сонъ прервать единымъ звукомъ,
 Упитъся вдругъ невѣдомымъ, роднымъ,
 Дать жизни вздохъ, дать сладость тайнымъ
 мукамъ,

Чужое вмигъ почувствовать своимъ,
 Шепнуть о томъ, предъ чѣмъ языкъ нѣмѣеть,
 Усилить бой безтрепетныхъ сердець—
 Вотъ чѣмъ пѣвецъ лишь избранный владѣеть!
 Вотъ въ чемъ его и признакъ и вѣнецъ!

КЕЛЕЙНИКЪ.

9 марта 1914.

День начала Весны и птицъ прилета.

ПОЭЗИЯ ТАЛЫХЪ СУМЕРЕКЪ.

(И. Анненскій).

Среди измѣнъ, среди
 моголь
 Онъ, улыбаясь, сыпаль
 розы
 И въ чистый жемчугъ
 перелиль
 Поэтъ свои нѣмыя
 слезы.

И. Анненскій.

Поэзія блекло-призрачныхъ сумерекъ, зеле-
 новѣйшой пробуждающейся весны и позоло-
 ченной ранней осени, замирающихъ звоновъ
 и идущихъ изъ безбрежности шумовъ...

Поэтъ талыхъ красокъ, стоящій у грани не-
 бытнаго, поющій въ лунно-серебряныхъ или
 закатно-желтыхъ солнечныхъ лучахъ призрач-
 ное, тающее, дымчатое...

И въ этой истомѣ таянья и замиранія—источ-
 никъ томительно-острыхъ, болѣзненныхъ пере-
 живаній поэта; въ этомъ прозрѣваетъ онъ „не
 нашу связь“, а „лучезарное слияніе“, слияніе съ
 небытнымъ, съ ничѣмъ и въ то же время съ
 чѣмъ-то бѣльшимъ, чѣмъ данное, видимое и
 осязаемое. Красота утратъ, упоеніе воспоминаніемъ и враждебность четкости, данности, вотъ міръ творческихъ переживаній поэта.

То полудня пламень снѣгъ,
 То разсвѣта пламень алыгъ,
 Я-ль усталъ отъ четкихъ линій
 Солнце-ль самое устало...
 Но чрезъ пологъ темнолиственный
 Я дождусь другого солнца
 Цвѣта мальвы золотистой,
 Или розы и червонца.
 Будетъ взорамъ такъ пріятно
 Утопать въ сѣтяхъ зеленыхъ,
 А потомъ на темныхъ кленахъ
 Зажигать цвѣтныя пятна.

Яркость красокъ, рѣзанность и четкость ли-
 ній, какъ это ни странно, но въ этомъ для
 поэта—мертвость, застылость и въ этой засты-
 лости рождается боязнь самому „застывая онѣ-
 мѣть“. Потому-то чужая ему „грузная“ зима—
 „отъ нея даже дыму не уйти въ облака“, чу-
 жое яркое солнечное лѣто, ибо душа поэта
 проситъ не алыхъ розъ, а „розъ поблеклыхъ,
 гіацинтовъ небывалыхъ, лилій, плачущихъ на
 стеклахъ“. И если говоритъ онъ о дняхъ, то,
 конечно, о мягкихъ и осеннихъ дняхъ, если
 говоритъ о солнцѣ, то, конечно, о солнцѣ,
 струящемъ свои блѣдно-холодные лучи сквозь
 цвѣтныя узорчатая стекла храма. Но враждеб-
 ный застылости одинаково враждебенъ поэтъ и
 шуму, даже „намекамъ шума“, и среди взвиз-
 говъ и громыханій дѣйствительности тоскуетъ
 онъ только о томъ, чтобы „молча въ полутьму
 уводила думу дума“. Шумы такъ же, какъ и
 онѣмѣлость, мѣшають глубокому поэтическому
 созерцанію, подавляютъ упоеніе томлящими вос-
 поминаніями и красотой утратъ.

...Пойми: никто

Ему не нуженъ. Вотъ, Сплень, что страшно,
 Живетъ въ мечтахъ онъ, сердцемъ гордъ и сухъ..
 И музыкой онъ боленъ.

Такъ говоритъ нимфа о Фамирѣ*) и Аннен-
 скому тоже никто не нуженъ, — живетъ въ
 мечтахъ и музыкой онъ боленъ, боленъ струн-
 ными лунными осеребреніями, свивающими хо-
 роводы блѣдныхъ печальныхъ тѣней.

„Лучей, однихъ лучей. Тамъ музыка“—взы-

*) Фамира—Киваредъ. Вакхическая драма.

васть Оамира и въ этомъ взывѣ тоска Анненскаго.

Живу я

Для черно-звѣздныхъ высей; лишь онѣ
На языкѣ замедленномъ и нѣжномъ,
Какъ вечера струисто-свѣтлый воздухъ,
Мнѣ иногда поютъ. И тотъ языкъ,
Какъ будто уловивъ его созвучья,
И передать пытаюсь, но тоской,
Одной моею тоскою полны струны.

Его тоскою полны струны, его тоскою звучать и желтые сумраки золотистой осени, и сиреневая мгла, и закатное млѣнье Мая, его трепещутъ и зеленѣйшіе сады и томительно безбрежныя выси... Но, тоскуя, онъ все же не бѣжалъ къ обманамъ яркихъ солнечныхъ дней и пышной роскоши лѣтнихъ полей, не бѣжалъ, терзаемый мукою обыденности.

„Малкаго слова не трусь“ и онъ не трусилъ; въ мѣрѣ будничнаго, въ этомъ омутѣ безликостъ, разсыпалъ онъ алмазности словъ своихъ и „ритмами дышалъ, какъ волнами кадиль“, ибо таковъ былъ его поэтическій темпераментъ, ибо пѣть нельзя не мучась.

...„И было мукою для нихъ, что людямъ мюзыкой казалось“. И свою муку воплотилъ поэтъ въ печально-нѣжныхъ ритмахъ своей поэзіи, свою муку, излученную въ закатныя сумерки и дымный облака вдохнулъ онъ въ „бѣло-тревожныя слова“ своихъ строфъ. И струны пѣли...

Струны пѣли, а тамъ наверху улыбалось своей непроницаемой и далекой улыбкой лицо Зевса; вѣдь улыбалось оно и тогда, когда подымалъ Оамира свое окровавленное лицо къ бездонному небу и молился ему. И Зевсова улыбка—утвержденіе будничности, постылости бытія.

Счастье, яркое солнце и нагие маки—только маска, скрывающая будничность и потому-то милѣе уходящее или не пришедшее. Уходящее, рождающее муку воспоминаній, не пришедшее, рождающее муку невозможнаго. И „нѣтъ конца и нѣтъ начала тебѣ тоскующее л“, и пусть Силезь говоритъ Оамиру о красочномъ, горящемъ перламутрамъ и розамъ мѣрѣ, отвѣтомъ ему будетъ: „лучей, однихъ лучей, тамъ музыка“... Но музыка не была для него обманомъ, а жизнь въ мечтахъ о ней не была успокоеніемъ и не яркіе маки были символомъ жизни, а похоронные звоны осени и желтые лучи умирающаго солнца. Въ своемъ гордомъ одиночествѣ болѣлъ онъ музыкой, но звучала она въ таинственной пустотѣ и безобманности бытія.

„Господа, я не романтикъ,—пишетъ Анненскій,—я не могу, да и вовсе не хотѣлъ бы уйти отъ безнадежной разоренности моего понятаго міра. Я... посвѣтилъ такіе сомнительные уголки, что звѣзды и волны, какъ ни сверкай и ни мердай онѣ, а не всегда-то меня успокоятъ“. И болѣющей тоскою, томлящейся въ обыденности

постылаго бытія, онъ всегда оставался романтикомъ и не успокоенный не измѣнялъ онъ своему лирическому я,—тоскующему я.

Поэтъ и ученый филологъ, переводчикъ Эврипида, типичный представитель громадной культуры русскаго декаданса, Анненскій остался въ сторонѣ отъ большинства поэтовъ, представителей той же культуры, остался въ сторонѣ отъ тяготѣній ихъ къ философической теоретизаціи, къ поэтической схоластикѣ и преобладающимъ міропониманіямъ. И потому-то въ хвалебныхъ статьяхъ Г. Чулкова, М. Волошина и В. Иванова объ Анненскомъ сквозъ видимое пріятіе поэта чувствуется осужденіе ему. Импрессионизмъ и крайній субъективизмъ, мѣшающіе установленію истинъ религіознаго и символическаго порядка, отсутствіе въ его поэзіи «многозначительныхъ словъ», которыя приближали бы насъ къ міру болѣе глубокому и болѣе реальному, бѣгство отъ принудительнаго канона школы -- вотъ къ чему сводится это осужденіе, однаково характеризующее какъ и самого поэта, такъ и творческія устремленія нашего времени.

„Не все-ли намъ равно, активно-ли страстный у поэта темпераментъ, или пассивно и мечтательно-страстный. Намъ важна только форма его лирическаго обнаруженія“—писалъ Анненскій. И не все-ли намъ равно къ какимъ словамъ и истинамъ пришелъ поэтъ и каковъ былъ его творческій методъ, важно лишь одно, оправданы-ли они лирически. И Анненскій оправдалъ и *свой* методъ, и *свои* слова, и *свои* истины, оправдалъ ихъ своей истиннѣ художнической совѣстью, не искушенной ни принудительными канонами, ни многозначительностью словъ.

И былъ-бы вѣрно я поэтъ,
Когда-бъ выдумывалъ себя...
И былъ-бы мой свободный духъ...
Теперь не „я“, онъ былъ-бы Богъ...

Но Анненскій былъ конечно поэтомъ, и былъ имъ потому, что не выдумывалъ себя, потому, что оскорбительнымъ было для него ограниченіе своего лирическаго я какимъ либо опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, оскорбительнымъ было подавлять произволъ творческаго вдохновенія и свободу стиха вѣрностью речентамъ школьныхъ методовъ. И то, что называютъ импрессионизмомъ въ творчествѣ Анненскаго, т. е. недоговоренность и прикровенность его поэзіи, явилось результатомъ категорическаго требованія его лирической индивидуальности, и, конечно, не импрессионизмъ привелъ поэта къ роцоту, унынію и горькому екенену*), а наоборотъ, эти настроенія должны были привести къ прикровенности его поэзіи.

*) О поэзіи П. О. Анненскаго. В. Пваловъ. «Аполлонъ» 1910 г. № 4.

Своимъ поэтическимъ постиженіемъ не увѣровалъ онъ въ значительность непризрачнаго міра явленій также, какъ не найдя въ себѣ религіознаго пафоса, не увѣровалъ и въ значительность потусторонняго, но тайна души, тайна тоскующаго я была для него несомнѣнной. «Я, которое хотѣло бы стать цѣлымъ міромъ, раствориться, разлиться въ немъ, я, замученное сознаниемъ своего безысходнаго одиночества, неизбѣжнаго конца и безцѣльнаго существованія» — таково я современности, и въ этихъ строкахъ изъ статьи о Бальмонтѣ въ сущности — желаніе интуитивно возстановить свою лирическую индивидуальность. А въ другомъ мѣстѣ, въ статьѣ «Изнанка поэзіи», Анненскій снова говоритъ о безцѣльности существованія, о подневольномъ участіи въ жизни и о томъ, что мечтатели имѣютъ съ жизнью «свое чисто мечтательное общеніе, въ которомъ каждый чувствуетъ себя не только господиномъ жизни, но и ея солнцемъ... и чѣмъ безцвѣтнѣе самый фонъ моего существованія, тѣмъ ярче будетъ сіять... мое солнце». Безцѣльное существованіе — съ одной стороны и чисто мечтательное общеніе съ міромъ — съ другой, я, замученное одиночествомъ, стремящееся стать цѣлымъ міромъ и замкнутость одиночества, подполье тоскующаго я, дышащаго ритмами, разсыпающаго изъ своей кошницы алмазныя слова и еще больше болѣющаго алмазностью этихъ словъ въ опустошенномъ мірѣ...

Наивно желаніе поэта убѣдить насъ въ томъ, что его творческое я, его прекрасное солнце, свѣтило не въ подпольи, наивно желаніе нагать намъ, что онъ точно обладалъ жизнью. Наивно это слово „нагать“, ибо нельзя повѣрить его лжи; въ сущности и лгать то онъ не собиравался, а писалъ такъ, желая увѣрить насъ, что не струсилъ онъ жалкаго слова, не бѣжалъ жизни и не «зеленой жвачкой» были его мечтанія. Изъ своего подполья жадными глазами смотрѣлъ поэтъ на жизнь, влекущую къ себѣ призрачными мимолетными обласаніями, а за ними прозрѣвалъ онъ нѣмую черноту, нудную пустоту бытія и Зевеову улыбку, томящую своей неразгаданной значительностью. И прозрачно-прикровенными, мучительно-простыми словами говорилъ онъ объ опустошенности міра...

Въ критическихъ статьяхъ, въ которыхъ Анненскій всегда оставался поэтомъ, онъ много писалъ объ эстетическихъ критеріяхъ рѣчи и оправдывалъ законность словотворчества. Въ его поэзіи попытки творчества новыхъ словъ — крайне рѣдки и несмѣлы и не ими, все же почти всегда вдохновенно-выразительными осіяна поэзія Анненскаго, а повышеннымъ чувствомъ рѣчи, художественной цензурой словъ, вытекающей изъ чувствованія самодовлѣющей эстетической цѣнности ихъ.

Есть слова. Ихъ дыханье, — что цвѣтъ:
Такъ же нѣжно и бѣло — тревожно...

И все въ мірѣ внѣшнемъ, и все въ мірѣ внутреннемъ различалось поэтомъ только по цвѣту, по окраскѣ, по тонамъ и цвѣтовымъ нюансамъ. Въ драмѣ «Оампра — Клеаредъ» даже сцены окрашены каждая въ свой цвѣтъ: сцена темно-сапфирная, сцена бѣлыхъ облаковъ, темнозолотого солнца, лунно-голубая, ярко-лунная, зареvall. Влюбленный въ блеклость, для того, что близко и желанно ему, находилъ онъ особо прекрасныя, особо нѣжныя и мягкія сочетанія тоновъ и сплеталъ фату «прозрачно-травянистую», которою овуалено все его творчество.

И не только прекрасныя сочетанія тоновъ, но и прекрасныя сочетанія нѣжныхъ и мягкихъ словъ вилеталъ онъ въ эту фату.

По желтому шелку ковровъ, сотканныхъ изъ опавшихъ осеннихъ листьевъ, блуждалъ печальныйъ пѣвецъ тоскующаго я, и эпиграфомъ къ закатно-струнной мелодіи его пѣсенъ могутъ быть слова: «если вольное страданіе сознательно безцѣльно... оно удѣлъ только избранныхъ».

И только избранные умираютъ молча въ одинокомъ изумленіи...

ВИКТОРЪ ХОВИНЪ.

РЕЛИГИЯ ИЛЛЮЗИИ.

(Поэзія А. Блока).

Средневѣковій рыцарь, въ голубомъ плащѣ романтизма прогуливающийся по проспектамъ современности и пѣсни молитвы слагающей Прекрасной Дамѣ: вотъ обычный взглядъ на Александра Блока. Но вѣра въ Прекрасную Даму лишь первый этапъ его пути: теперь для него прежнія мечты и молитвы — только „бредъ обнищавшей души“ — знаетъ поэтъ, что безъ возврата ушла отъ него Прекрасная Дамы и больше никогда не придетъ: «она не ѣздитъ на пароходѣ». Электрической свѣтъ городскихъ тротуаровъ сжегъ волнебный замокъ рыцаря-поэта, а въ новомъ жилищѣ его нѣтъ иконъ. Каждунцій вѣры молится онъ пустому углу — омынемъ созданной Познакомкѣ: въ темныхъ переулкахъ, въ кабакахъ находитъ онъ новую Царицу — но и находя не знаетъ, что дѣлать съ ней, среди «этой пошлости таинственной». Вѣрному одной мечтѣ поэту потеря вѣры — смерть. Онъ мертвецъ, ибо не знаетъ, кому молиться, кого любить, кому слагать прекрасныя гимны...

Мы были, но мы отошли.

И помню я звукъ похоронъ:

Какъ гробъ мой тяжелый несли,

Какъ сыпались комья земли...

Но не напрасно «Печальной радости» названа самая печальная изъ книгъ поэта: неожиданно нашель онъ путь къ Жизни въ новой религiи иллюзiи.

Если безъ вѣры не рождаются пѣсни, а жизнь безъ молитвъ и безъ пѣсенъ—та же смерть, то надо творить иллюзiю вѣры, иллюзiю жизни, чтобы пѣть такія же пѣсни, какъ прежде и такія же гимны слагать божеству. Снова „по темной сликоти дороги“ плетется «полинялый» балаганъ поэта:

Тащитесь, траурныя клячи!
Актеры, правьте ремесло!
Чтобы отъ истины ходячей
Всѣмъ стало больно и свѣтло!
Въ тайникъ души проникла плѣсень,
Но надо плакать, пѣть, итти,
Чтобъ въ рай моихъ заморскихъ пѣсенъ
Открылись торные пути.

Новая религiя поэта—религiя съ двойными скрижалями завѣта. Въ его душѣ—плѣсень безвѣрія, но во внѣ онъ, актеръ добросовѣстно правящiй свое ремесло, творитъ иллюзiю вѣры. Все тѣмъ же инокомъ остается онъ, какимъ, былъ прежде—поклонъ, его низокъ, лишь его строгъ, благоговѣнно склоняется онъ къ темнымъ ликамъ потерявшихъ для него святость иконъ—и никто не знаетъ, что онъ безуменъ. Въ новомъ созданномъ имъ мiрѣ нѣтъ его невѣрующаго „я“: оно скрыто подъ темною маскою рыцаря. Маску прежняго лица своего надѣвъ поэтъ и печальною тѣнью бродитъ по заламъ грандіознаго маскарада. Онъ вѣчно „въ сказкѣ“, онъ вѣчно мечтаетъ—и не надо ему розъ земной любви, ему, возлюбленному Прекрасной Дамы. Страннымъ сномъ промелькнуло безвѣрiе и онъ «вновь все тотъ же у руля», и вновь поетъ „все также стройно, мечту родного корабля“.

И я пришелъ, плющемъ вѣпчанный.
Какъ въ юности.—къ истокамъ рѣкъ.
И надъ водой, за мглой туманной—
Мнѣ улыбнулся тотъ же берегъ.
Какъ будто время позабыло
И ничего не унесло.
И неизмѣннымъ сохранило
Пѣвучей юности русло.

Вновь можетъ онъ творить свои строчки и открывать намъ пути въ рай своихъ заморскихъ пѣсенъ. Вновь поетъ онъ о скоромъ пришествiи Прекрасной Дамы: «Она придетъ. Заблѣдетъ сиянье. Безъ вины прижметъ къ устамъ уста».

Въчаяны земли Грядущаго полюбили онъ землю настоящаго:

«Полюби эту вѣчность болотъ,
Никогда не пезякнетъ ихъ мощь»...

И темный рыцарь, печальный рыцарь, опершись на мечъ рассказываетъ онъ сказки—и

кажется намъ, что ничто не измѣнилось, все какъ было.

«Все, какъ было. Только странная
Воцарилась тишина.
Словно что-то недосказано.
Что всегда звучитъ, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.

Недосказано лишь въ новыхъ пѣсняхъ поэта о томъ, что самъ онъ больше не вѣритъ своимъ словамъ. Онъ говоритъ намъ о солнцѣ, но знаетъ, что «въ этомъ мiрѣ солнца больше нѣтъ». И въ „Ея прибытiе“ больше не вѣритъ онъ, ибо знаетъ, что не придутъ долго-жданнныя корабли. Нѣтъ прежняго рыцаря, умеръ рыцарь: это его лицемѣрную маску мы видимъ,—а подъ нею кощунственно смѣются надъ суевѣрiемъ молитвы лживыя уста поэта. На головѣ у него—картонный шлемъ, въ рукахъ—деревянный мечъ, и на крестѣ распинаемый не кровью стекаетъ онъ, а клюквеннымъ сокомъ; его призывы—лишь «пляшущая тѣнь» прежнихъ искреннихъ призывовъ, его душа, раскрываемая въ пѣсняхъ—только «забытый слѣдъ чьей-то глубины». По словамъ А. Бѣлаго, онъ творитъ не свою жизнь, а свои строчки, все сжигая на алтарѣ ничего.

Не къ прежней вѣрѣ вернулся поэтъ, а «въ новой снѣговой купели» крещенъ онъ «вторымъ крещенiемъ». И если—только носить онъ маску темнаго рыцаря,—то и его новое божество—только маска истиннаго—его Снѣжная Дѣва—Снѣжная Маска. Прекрасная Дама была звѣздой, упавшей съ неба,—а Снѣжная Дѣва—земная—она—«высокая женщина въ черномъ, съ глазами крылатыми и влюбленными въ огни и мглу снѣжнаго города». Изъ дикой дали пришла она и полюбила скромнаго, прислоненнаго у стѣны рыцаря—„зато, что плащъ мой полонъ звѣздъ, за то, что я въ стальной кольчугѣ, а на кольчугѣ—строгий крестъ“. Онъ, покорный, предался ей, «давно и тайно милой», предался, но не полюбилъ ее.

Я опрокинутъ въ темныхъ струяхъ
И вновь вдыхаю, не любя.
Забывшiй сонъ о подлѣухъ,
О снѣжныхъ выюгахъ вокругъ тебя.

Снѣжная Дѣва дастъ ему маску, обративъ въ ледъ его сердце, отнимаетъ у него его желѣзный мечъ: да не нуженъ ему мечъ—все равно не выйдетъ онъ на турниръ сразиться во имя Прекрасной Дамы: онъ теперь

„Всѣхъ забыть, кого любилъ,
И сердце выюгой закрутиль,
И бросилъ сердце съ бѣлыхъ горъ,
Оно лежитъ на днѣ!

Не велика его любовь, его преданность Снѣжной Дѣвѣ: „я измѣню тебѣ, какъ той, не

измѣняя, не лукавя“, говоритъ онъ. Ему теперь „все равно какія лобзать уста, ласкать плеча, въ какія улицы глухія гнать удалого лихача“. Ему все равно, къ какой идти вечернѣ, но только бы идти, только бы молиться, чтобы не узнали люди о его страшной тайнѣ. Только носить маску, казаться прежнимъ и въ недоступной глубинѣ скрывать «страшный міръ» своей души.

„Страшный міръ“—міръ, въ которомъ нѣтъ масокъ, гдѣ поэтъ открываетъ истинное лицо свое, гдѣ присутствуетъ онъ самъ—„позорный и продажный, съ кругами синими у глазъ“. Страшный міръ его души—безвѣрія, безразличія:

«Я пригвожденъ къ трактирной стойкѣ,
И пьянъ давно. Мнѣ все равно»...

И только потому „такой приниженный и злой“ торгуется онъ на базарахъ міра, что ему „забавно жить“. «Все въ мірѣ—кружащійся танецъ»—и забавно смотрѣть на него. Для поэта-актера жизнь—только веселый балаганчикъ, гдѣ актеры-люди стараются показать, что живутъ: веселятся, разочаровываются, молятся... Забавна и смерть—какъ театральное зрѣлище наблюдаетъ ее поэтъ («О смерти»),—но самое забавное въ мірѣ то, что и онъ, мертвецъ играетъ роль темнаго рыцаря, печальнаго рыцаря какой-то Прекрасной Дамы:

Забавно жить. Забавно знать,
Что подъ луной ничто не ново.
Что мертвому дано рождать
Бушующее жизнью слово.

Но еще не пройденъ поэтомъ путь къ религіи Пиллозін. Еще тоскуетъ онъ по прежнимъ лпкѣ своимъ, еще тяготится онъ своей маской. тяжело ему „качать чужую колыбель, ласкать немиллаго ребенка“. И надъ потухшимъ камнемъ еще рыдаетъ онъ...

Не затѣмъ величалъ я себя паладиномъ,
Не затѣмъ вѣдь и ты приходила ко мнѣ.
Чтобы только рыдать надъ потухшимъ камнемъ,
Чтобы только плясать при умершемъ огнѣ.
Или счастье вправду невѣрно и быстро,
Или вправду я слабъ уже, боленъ и старъ?
Итъ, въ золѣ еще бродятъ послѣднія искры,
Есть огонь, чтобы вспыхнулъ пожаръ!

Свѣнелъдъ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ДѢЙСТВО.

Прыжками фавна, ты
меня убѣдишь, актеръ!

Двѣ силы руководятъ жизненнымъ проблемами человѣчества — на пря ж е н н о с т ь и э л а с т и ч н о с т ь. Дополняя другъ друга и раз-

виваясь онѣ создаютъ то равновѣсіе быванія индивидуовъ безъ котораго немислима жизнь, опредѣляющая отсутствие одного изъ указанныхъ факторовъ въ сферѣ умственной какъ психическое убожество, и какъ всякаго рода недуги, въ случаѣ нарушенія этой гармоніи—въ тѣлѣ.

Это—элементарная необходимость, условіе очень цѣнное, или... ничтожное. Условіе, не дающее еще возможности къ творчеству, къ обожествленію человѣческаго «я», заложенаго съ момента явленія міру каждой новой личности. Этими силами еще не удовлетворяется моментъ вдохновенности и просвѣтленія, желаніе възлѣнуть на самаго себя, какъ на произведение искусства, поразиться собственнымъ отраженіемъ въ зеркалѣ.

Творческое желаніе стать хоть на мгновение умнѣе себя, красивѣе себя, сильнѣе себя, требуетъ чего-то еще.

Непремѣнная потребность къ самораздвоенію на матеріаль и творящую личность создаетъ новую силу, новую волю, новое чувство: театральность. Входя безсознательно въ организмъ духа и тѣла, театральность проникаетъ во все детали быванія, нерѣдко становясь главенствующимъ моментомъ въ жизни. Еще наши прародители Адамъ и Ева ярко и поучительно проявили свою волю къ театральности, когда въ тотъ знаменательный, прекрасный моментъ, имъ стало вдругъ стыдно... Этотъ стыдъ—въ сущности несознательное желаніе къ творчеству и толкнулъ ихъ на гениальное изобрѣтеніе, на первый творческій продуктъ.

Эволюція театральности, проявленная въ чувствахъ, мысли и жизни, и привела въ концентраціи ея въ опредѣленное дѣйство.

Всякому искусству предшествуетъ моментъ изоляціи, моментъ отдѣленія отъ всего опредѣленно явленнаго и вознесенія къ предѣламъ обособленности. И фактъ появленія театра, т. е. мѣста исключительнаго обособленія «дѣйства театральности» — говоритъ о томъ, что передъ нами истинное искусство со всеми своимъ сложными законами.

Не на землѣ, а на подмосткахъ предстаетъ предъ изумленнымъ созерцаемъ, магъ театральности—актеръ. И первый выходъ актера, даже не выходъ, а этотъ затаенный моментъ передъ выходомъ вѣщаетъ о началѣ театральнаго дѣйства. Паличность подмостковъ, безъ которыхъ едва-ли возможно театральное представленіе, какъ-бы говоритъ намъ, что сущность театра лежитъ въ области чисто эстетическаго переживанія въ искусствѣ. Въ театрѣ, какъ-нигдѣ рѣзко подчеркивается необходимость изоляціи мѣста и дѣйства, въ которой и заложена сущность эстетическихъ цѣнностей, довлѣющихъ въ себѣ. Безъ этой изоляціи невозможно художественное творчество пиллозін, въ которое выливается искусство театра. Въ этомъ—независимость пиллозін отъ

БИБЛИОГРАФИЯ.

Дневники писателей. № I. СПб. 14 г. ц. 20 к.

дѣйствительности, и возможность ея происхожденія изъ представленія, фантастики, или сповидѣнія. Плюэзия, отбрасываемая обычно практикой жизни за непригодностью, лишь въ эстетикѣ становится самоцѣлью, и эстетическое переживаніе не имѣетъ ничего общаго, поэтому, съ сужденіями о реальности, плюэзорности и художественномъ обманѣ.

Важно установить, что театральное дѣйство является всегда искусствомъ высшихъ формъ. Искусство владѣнія высшими формами—это искусство актера.

Въ театрѣ нѣтъ предметовъ съ ихъ богатыми содержаніями, въ театрѣ—одна лишь видимая вышность. Какъ при игрѣ кристалловъ наше воспріятіе очаровывается вышней формой, блескомъ—такъ и въ театральномъ дѣйствѣ—матерія ненужна.

Въ пестрой смѣнѣ жестовъ, словъ, положеній, въ яркомъ чередованіи красокъ костюма, лоскутовъ, въ звонѣ бубенцовъ и выкриковъ—въ этомъ очаровательномъ калесидоскопѣ брызжущихъ искорокъ почившей интуиціи—есть волшебство театра. Въ актерѣ—долженъ сидѣть художникъ-интуитъ, черпающій благословеніе дѣламъ своимъ изъ благостнаго соприкосновенія съ Бытіемъ, невидимымъ Міромъ одухотворенія создающимъ искусство.

Когда говорятъ о происхожденіи театра, то среди великихъ предположеній, особенно приятнымъ является то, которое, видитъ театръ вытекающимъ изъ религіозныхъ обрядовъ. Пусть ошибочно все это—пеходя изъ сказаннаго выше, всякій обрядъ, хотя-бы и религіозный вытекаетъ изъ внутренней воли къ театральности, поэтому театръ, конечно предшествовалъ религіямъ. Но это все равно. Въ этомъ заблужденіи есть примиряющій ароматъ божественнаго служенія, онъ напоминаетъ о присутствіи божества, незримо царящаго въ происходящей литургіи театральности.

И пусть прекраснымъ божествомъ театральныхъ дѣйствъ будетъ козлоногий фавнъ. Пусть театръ превратится въ игрища, въ фавналіи—мы все будемъ опьянены прыжками, побѣднымъ крикомъ этого прекраснаго уродца.

Придя въ театръ мы одѣнемъ тогу—мы будемъ тоже театральны—и тѣмъ участіе свое подчеркнемъ въ проходящемъ торжествѣ.

Влюбленный актеръ намъ улыбнется. А когда чей-то грубый голосъ, крикнетъ возмущенно: все это ложь, ложь, обманъ!!—Улыбнемся мы и отвѣтимъ: «потому, что театр!»!

Самуиль Вермель.

Когда появились объявленія о выходѣ „Дневниковъ Писателей“, какъ то не вѣрилось въ „безпартийность“ ихъ, не вѣрилось потому, что редакторъ и „ближайшій сотрудникъ“ журнала **Ө. К. Сологубъ**—не только большой поэтъ, но и сторонникъ опредѣленнаго міропониманія, — символическаго міропониманія, того демократическаго символизма, о которомъ такъ много говорятъ теперь.

Мы не разъ высказывались противъ „партийности“ **Ө. Сологуба** и его единомышленниковъ, противъ сугубой догматичности и теоретичности символическаго міропониманія и все же, не повѣривъ въ обѣщанную безпартийность, мы радовались этому, ибо надѣялись, что все невятное въ новомъ міропониманіи современныхъ символистовъ будетъ разъяснено,—станетъ внятнымъ. Наши подозрѣнія съ выходомъ № 1 „Дневниковъ Писателей“ до извѣстной степени оправдались: въ журналѣ говорятъ о „нашихъ единомышленникахъ“ и о „нашихъ противникахъ“, впрочемъ, этимъ партийность и исчерпывается, а „безпартийность“ сводится... къ отсутствію всякаго содержанія. Если къ этому обязываетъ девизъ „свободныя мысли въ свободной формѣ“, то Богъ съ ними и со свободными мыслями и со свободной формой...

...„Хотимъ говорить объ искусствѣ, объ его вѣчно живой жизни, единственно-свободной и вѣрной утѣшительницѣ нашей“—обѣщаетъ редакція. Но неужели же то, что сказано Сологубомъ въ его замѣткахъ, это-все, что можетъ быть сказано о вѣрной утѣшительницѣ нашей? Неужели такъ-таки нечего сказать о вѣчно живой жизни искусства больше того, что сказано въ журналѣ? Быть можетъ не успѣли спѣться*), не поняли дѣйствительной цѣли новаго изданія, конечно можетъ быть, даже весьма вѣроятно, но это должно было привести или

*) Примѣръ разногласицы. Редакція журнала собирается говорить объ искусствѣ, а **Л. Андреевъ** радуется, что изъ «Дневниковъ» читатели «узнаютъ правду» о писателяхъ; тому же наивно радуется и **Л. Крандѣвская**, когда пишетъ, что открывается просторъ для интимнаго «въ чемъ самая суть всего и для всѣхъ и заключена». Она находитъ легкомысленной и неумной фразу: «миръ рѣшительно не интересно звать, какъ себя ведетъ въ интимной жизни **Гозановъ**». Однако гдѣ же редакція и что же наконецъ—вѣрная утѣшительница или... интимная жизнь **Гозанова**?

Къ сожалѣнію «Дневники Писателей» были получены нами тогда, когда «Очарованный Странникъ» заканчивался печатаніемъ, а потому мы и не имѣемъ возможности болѣе подробно остановиться на томъ значеніи, которое придаетъ въ журналѣ писателямъ и инымъ интимностямъ изъ жизни писателей.

къ нарушенію свободной формы, или къ нарушенію свободной мысли, но не къ безыдейности и безсодержательности.

Мы очень любимъ Сологуба-поэта и съ радостью отмѣчаемъ прекрасные стихи его въ № 1 «Дневниковъ», мы готовы слушать доклады поэта о символическомъ міропониманіи, но зачѣмъ намъ дневникъ Сологуба, газетнаго публициста, зачѣмъ намъ его замѣтки о смерти Кальметта, о г-жѣ Кайю, или другія „свободныя мысли“? На это отвѣчаетъ впрочемъ „письмо читателя“, письмо въ нѣкоторомъ родѣ знаменательное. Быть можетъ читателю и подобаешь высказывать столь наивныя мысли, но зачѣмъ редакціи было помѣщать ихъ (безъ комментарий) и тѣмъ самымъ брать на себя отвѣтственность за содержаніе письма. Если бы не подпись „читатель“, то письмо это можно было бы принять за передовицу, за credo единомышленниковъ изъ „Дневника“.

По „читателю“ выходитъ, что замѣтки Сологуба относительно Кайю или Кальметта и есть самое цѣнное, что можетъ дать намъ поэтъ. Вообще читатель вѣроятно человѣкъ съ прекрасными склонностями, такъ напримѣръ, онъ не только хочетъ любоваться искусствомъ, а хочетъ „жить-быть въ немъ, какъ въ храмѣ“. Правда, неправильно понятал мысль поэта: „о, еслибъ безъ словъ сказаться душой было можно“, приводитъ его къ весьма и весьма сомнительнымъ, скажемъ прямо недоброкачественнымъ сужденіямъ. „Слова нѣтъ, эстетика и формальная, и внутренняя, — пріятная вещь, но не одной эстетикой жива душа человѣческая, а всеѣмъ, такъ сказать, комплексомъ высшихъ чувствъ“. Тѣмъ болѣе поясняетъ читатель, какъ не искренни произведенія писателей, все же есть въ нихъ и привкусъ официальнойности, принятой литературности. Чтобъ выразить свою мысль... писатель... создаетъ или придумываетъ положенія, образы, возитъя съ ними“. А читателю, жалуется авторъ письма, приходится самому вылавливать изъ моря словъ нужное (!)... „Иное дѣло — письма писателей. Тутъ писатель подаетъ рыбу безъ моря“.

О, мы конечно увѣрены, что Сологубъ не думаетъ мыслями своего читателя, но зачѣмъ же было подписываться подъ ними, такъ своеобразно отразившими мережковщину нашихъ дней, тоже говорящую о пріятности эстетики, но и комплексъ высшихъ чувствъ, — о рыбѣ безъ моря.

Викторъ Ховинъ.

Четки. Анна Ахматова. Из-во „Гиперборей.“
Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Холодкомъ луннаго свѣта и нѣжной, мягкой женственностью вѣетъ отъ стиховъ Ахматовой.

И сама она говоритъ: „Ты дышишь солнцемъ, я дышу луною“. Дѣйствительно дышитъ она луною и лунныя мечты рассказываетъ намъ, свои мечты о любви, осеребренныя лучами и мотивъ ихъ простой, неуклюжий.

Въ ея стихахъ нѣтъ солнечности, нѣтъ яркости, но они странно влекутъ къ себѣ, манятъ какой-то непонятной недоговоренностью и робкой тревогой.

Почти всегда поетъ Ахматова о немъ, о единомъ, о томъ, чье имя „Любимый“. Для него, для Любимаго бережетъ она свою улыбку:

„У меня есть улыбка одна.
Такъ. Движенъе чуть видное губъ.
Для тебя я ее берегу“...—

Для любимаго ея тоска и даже не тоска, а печаль, „терпкая печаль“, порою нѣжная и тихая.

Боишься она измѣнъ, потерь и повторности „вѣдь столько печалей въ пути“, боишься,

„Что близокъ, близокъ срокъ,
Что всеѣмъ онъ станетъ мѣрить
Мой бѣлый банмачекъ“.

Любовь и грусть, и мечты, все сплетено у Ахматовой съ самыми простыми земными образами и бытъ можетъ въ этомъ кроется ея обаяніе.

„Я... въ этомъ сѣромъ, будничномъ платьѣ на стоптанныхъ каблучкахъ“—говоритъ она о себѣ. Въ будничномъ платьѣ ея поэзія и все же она прекрасна, ибо Ахматова—поэтъ.

Земнымъ питьемъ напоены ея стихи и жаль только, что простота земного, часто сблизжаетъ ихъ съ нарочито-примитивнымъ.

О. Вороновская.

Игорь-Сѣверянинъ. Златолира. Поэзы. Книга вторая. Изданіе первое. И-во «Грифъ» Москва. 1914. Стр. 131. Цѣна рубль.

Еще недавно литературная клака шипѣла и свистѣла по адресу Сѣверянина, теперь же литературные прихвостни обиваютъ пороги прихожей поэта, а провинціальныя актеры съ подвываньемъ и трагической мимикой декламируютъ его стихи передъ умпленнымъ мѣщанствомъ. И хочется сказать поэту: „Осторожь нѣ, публика зла и мелочна—одного она забьетъ, а другого заласкаетъ „першавымъ языкомъ слизнетъ съ него божественное подобіе и оставитъ лишь плоскую, тупую маску!“ И я боюсь, что заласкиванье началось. Въ ко-

роткое время было расхвачено четыре изданія «Громокипящаго Кубка» и теперь, наряду съ пятымъ, появилась и „Златоліра“ — большою томъ мелкой печати. Мнѣ кажется, что самая большая опасность для поэта вообще — *многочечатаніе*. Конечно, не *многочисаніе*; не слѣдуетъ затворять уста, но тѣмъ болѣе цѣломудренно и скупю долженъ являть поэтъ свои достиженія міру—за каждое изъ нихъ онъ долженъ пламенѣть душой, а не то придется прислушиваться ему къ безмысленной болтовнѣ говоруновъ и пустомелей. Въ данномъ случаѣ виновато еще и издательство; оно плохо издало книгу—печать слишкомъ мелка, переносы небрежны и видъ книги непріятенъ. А вѣдь никто такъ не нуждается въ тщательной оправѣ типографщика, какъ сборники стиховъ. Другая крупная ошибка — хронологическая путаница; стихи расположены совершенно произвольно и потому-то созрѣвшее тонетъ среди безвкусной зелени. Воспріятіе Сѣверяниномъ города въ лучшихъ его вещахъ напоминаетъ многострунные ощущенія островитянина попавшаго въ сутолоку жизни; въ его *внѣшнемъ*, такъ часто и плоско бранимомъ, есть магія *внутренней цѣнности*. Но, конечно, истинный путь его— Великая Земля, баловникъ—май, милыя, патриархальныя «Дылицы». Изнѣженной лисодѣвѣ онъ напоминаетъ, что у нея „лицопродѣлъ“; это она „забывшая травы“ вновь вспомнитъ ихъ, спасетъ поэта и приведетъ его къ „говору хатъ“. А спасти его надо — отъ опасности перепѣва, отъ великой бѣды стать „сѣверянствомъ“, отъ неуклюжаго маперничанья провинціалки замѣвляющей истинную грацію жеманствомъ. И, конечно, спасеніе придетъ—черезъ рукоплесканія толпы до Сѣверянина долетитъ шумъ кленовъ, ароматъ родимыхъ „Дылицъ“, гдѣ онъ создавалъ свои утреннія, очаровательныя пѣсни. Садъ, зачарованный садъ—его царство; его, принца Миррэлліи, ждетъ покинутый тронъ, въ чащѣ, въ сплетеніи вѣтвей и шорохѣ листьевъ. Пусть же сердцу своему скажетъ онъ:

Войди въ мой садъ... Давно одобрень.
Его, когда-то пышный видъ.
Днемъ золоченъ, въ лунѣ—серебрянъ
Онъ весь преданьями овить.

Поэтъ:

**Альманахи „Альціона“ книга 1-ая. Москва.
1914. Стр. 233. Цѣна 2 рубля.**

Альманахъ обширный и уже въ силу этого немного утомительный; хотя, быть можетъ, утомляетъ не обширность, а разноголосица. Въ немъ два теченія совершенно различныхъ и внѣшне и внутренне и первое изъ нихъ «отъ

лукаваго». Это „лукавое“ больше всего представлено статьей Ходасевича о русской поэзии—мѣстамъ она сбивается даже не на статью, а попросту на шаблонный „обзоръ“ въ газетномъ вкусѣ. Непрїятна «нарочность» отношенія къ Брюсову, ранжировка поэтовъ по чинамъ и поэтическимъ возрастамъ, а главное — избытокъ почтенія къ старшимъ, ставшей какимъ-то прищипкомъ на пагокъ. Больше же всего поражаетъ послѣдняя фраза: «XVIII вѣкъ только въ глазахъ кондитеровъ есть вѣкъ париковъ и фижмъ. *Для поэтовъ онъ — вѣкъ революціи*». Самъ Ходасевичъ творчествомъ своимъ противорѣчитъ своимъ теоретическимъ выводамъ; конечно, это не важно — важно то, что въ тонѣ съ его *разсужденіями*, а не критикой идутъ глубокомысленныя статьи Югурты, Герогія Якулова и Маріэтты Шагинянъ. Письма послѣдней о музыкѣ не должны были бы увеличивать альманахъ—слишкомъ они случайны, узки для литературнаго сборника. Изреченіе Канта: «Я мысля должно сопровождать все мои представленія» поставленное во главу угла г. Югуртой ярко опредѣляетъ заданія вышеупомянутыхъ статей. Гордый Логосъ пренебрежительно смотритъ на простушку Интуцію— а посмотрите въ какую пеструю одежду нарядили ее Борисъ Садовской и Любовь Столица, какія соблазнительныя и устрашающія приключенія она переживаетъ подъ руку съ Валеріемъ Брюсовымъ и Викторомъ Мозалевскимъ. Поистинѣ она настоящей «Принцессѣ съ мызы» Михаила Кузмина, для котораго и XVIII вѣкъ право же не вѣкъ революціи, а вѣкъ прелестныхъ женщинъ, фривольныхъ пѣсенокъ и галантныхъ походовъ. Въ книжкѣ живутъ и дышатъ странные вельможи, къ которымъ приходятъ дамы со старинныхъ портретовъ, плачущія царевны расколдовываютъ заледенѣвшаго Снѣгура и смущенныя дѣти впервые чувствуютъ темные и страшные зовы просыпающагося желанія. Въ этомъ волшебномъ мірѣ Логосъ не знаетъ пути и тысячи его глазъ не могутъ услѣдить за прогнанной имъ простушкой.

Но больше всего изукрасилъ Борисъ Садовской свой старорусскій сказъ. Отъ этихъ словъ пѣвучихъ словно гусли и сладкихъ словно соевый медъ, легко и радостно на сердцѣ. И подъ рокотъ самодѣйныхъ, златострунныхъ гуслей забываешь, что гдѣ-то тамъ есть холодный, непривѣтный край угрюмаго короля—Логоса, что есть у него псхудавшіе, темные слуги и мнителъ — плывешь въ голубой ладѣ по золотому морю надъ степью половецкой. Что можетъ быть дороже сердцу родныхъ старыхъ сказокъ? Слушай ихъ, а двери накрѣпко запри отъ злого ворага золотымъ, чудотворнымъ ключкомъ Перкуества.

Читатель.

**Андрей Шемшуринъ. Футуризмъ въ стихахъ
Валерія Брюсова. Москва 1913 г.**

Разсказываютъ, что одна маленькая дѣвочка увидавъ поэта Анухтина съ удивленіемъ спросила: «Мамочка, это толстый дядя или нарочно?» «Нарочно, душенька, нарочно» отвѣтилъ ей тучный поэтъ. Вотъ и теперь взявъ въ руки книгу г. Шемшурна, задаешься все тѣмъ же вопросомъ — книга ли это или нарочно? Все въ ней есть — цитаты, примѣчанія (занимающія двѣ трети), полемическіе выводы и глубоко-мысленныя разсужденія... а самой книги нѣтъ — она невѣроятна, въ ней все нарочно. Неужели же можно повѣрить, что г. Шемшуринъ дѣйствительно нашелъ у Брюсова слово «тумана» (попросту родительный падежъ!) или же славизмы считаетъ семинарщиной. Непонятны для автора этой невѣроятной книги слѣдующія слова и выраженія: золото, хрустальный день, дикарство, устами богомольными и т. д. Пусть онъ упорно восхищается «визанной простотой и искренностью» гг. Буренныхъ («идиотство»), «бедламетво», «сумбурное шутство»), пусть торжественно изобличаетъ въ невѣжествѣ и «непростительныхъ» ошибкахъ Александра Бенуа и Д. С. Мережковского, мы отвѣтимъ читателю на его недоумѣнный вопросъ о толстой книгѣ безъ содержанія: „Это книга или нарочно?“ — «Нарочно, душенька, нарочно!»

Келлейникъ.

**А. С. Волжскій. Въ обители преподобнаго
Серафима. Москва 1914. И-во «Путь» Стр.
115. Ц. 35 коп.**

«Если Россія призвана принести и свое слово въ міръ, то это слово должно прозвучать не изъ блестящихъ сферъ искусства и литературы и не съ гордыхъ высотъ философіи и науки, а лишь съ величественныхъ и смиренныхъ вершинъ религіи» говоритъ Владимиръ Соловьевъ въ своей замѣчательной книгѣ „Россія и Вселенская Церковь“ указывая на религіозный уклонъ творчества Гоголя, Достоевскаго и Льва Толстого. И новымъ подтвержденіемъ этой мысли является и вышеупомянутая книжка — опять примѣръ религіознаго уклона, обращенія къ давно позабытому. И даже быть можетъ больше — мѣстами пахнетъ на васъ ревностью неопита, какой-то радостью обращеннаго язычника. Мнѣ хочется нарочно оставить въ сторону чисто-догматическую, церковную сторону книжки — пришлось бы судить о теплотѣ вѣры, объ искренности ея автора, о томъ, вѣритъ ли онъ такъ прямо, по народному или же еще только хочетъ повѣрить и со страхомъ заглаживаетъ вдругъ пробивающееся сомнѣніе. Судить объ этомъ тяжело и ненужно, бесполезно и стыдно — какой быть у него слей, такой онъ и принесъ къ ракъ преподобнаго Се-

рафима. Даръ этотъ цѣненъ другими — еще разъ онъ открываетъ передъ нами силу земляной вѣры, молитвенный подвигъ въ воплощеніи его земномъ и иноческомъ. Въ этой небольшой книжкѣ есть благоуханіе православной эстетики и я вовсе не боюсь, что меня сейчасъ станутъ бранить за это слово любителей дѣятельной религіи. Созерцаніе, молчаливничество — вершина достиженій русскаго иночества изумительно тѣсно сплелись съ завѣтами великаго молчалиника и великаго космиста Тютчева, но они же — пустынный добродѣтели въ опасный часъ явили бранный подвигъ Пересвѣта и Осляби. Такъ сплелись въ подвижничествѣ дѣяніе и созерцаніе; этотъ лиризмъ обительской жизни тонко почувствовалъ Волжскій: «Ободняетъ и *поблекнетъ*». И глаголь подходящій тутъ — вѣдь это цвѣты — старцы и старицы, изумительный цвѣтникъ, гдѣ народъ находитъ и сладость и укрѣпленіе. Красота православія представлена въ литературѣ нашей скудно и неискусно, а хотѣлось бы раскрыть какъ можно шире все богатство богослужебной символики, созерцательную прелесть Божьихъ садовъ — обителей русскихъ. Въ этой области передъ русскимъ художникомъ-мыслителемъ открыта необъятная даль и Нестеровъ съ Волжскимъ лишь на моментъ поднимаютъ краешекъ святой завѣсы. Книжку читаешь легко, на душѣ свѣтло и хочется отвѣтить шпавиному ея привѣтомъ преподобнаго: „Здравствуй, радость моя, Христосъ воскресъ.“

Келлейникъ.

Списокъ книгъ поступившихъ въ редакцію.

- Игорь Сѣверянинъ.** Златолира. Поэзы. Книга вторая. К-во „Грифъ“. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб.
„Альціона“. Сборникъ. Книга первая. Москва. К-во „Альціона“. Цѣна 2 руб.
„Любовь къ тремъ апельсинамъ“. Журналъ доктора Дапертутто (о театрѣ). №№ 1-й и 2-й. Цѣна по 50 коп.
К-во „Прометей“:
Маринетти. Футуризмъ. Цѣна 1 р. 25 коп.
Ив. Вольновъ. Повѣсть о дняхъ моей жизни. Цѣна 1 р. 25 к.
К. Лемонь. Когда я была мужчиной. Цѣна 1 р.
„Петербургскіе вечера“. Книга вторая. Ц. 1 р.
В. Хлѣбниковъ. Изборникъ. Изд. „Еуы“ Ц. 70 к.
Н. Черкасовъ. Въ ряды. Поэма и поэзы. СПб. 1914 г. Ц. 50 к.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

 Сам. Вермель

ФАВНЪ

КНИГА СТИХОВЪ.

Тип, т-ва «Свѣтъ». Невскій, 136.

ЛЮБОВЬ КЪ ТРЕМЪ АПЕЛЬСИНАМЪ

Журналъ доктора Дапертутто

(© ТЕАТРЪ).

выходить въ С.-Петербургѣ съ 1914 г., въ количествѣ 7—10 книжекъ въ годъ, не менѣе двухъ печатныхъ листовъ каждая, формата in—16°, безъ установленной періодичности.

3 рубля

годовые подписчики присылаютъ: Спб., Театральная площадь, 2 (Журналъ Доктора Дапертутто), или лично вносятъ: въ С.-Петербургѣ, въ Студіи Вс. Эм. Мейерхольда, Троицкая, 13, кв. 8 (понед., среда, пятв., 4—7 ч.) и въ квартирѣ редакціи (ежедневно, 12—3 ч. дня); въ Москвѣ: Армянскій пер., д. 9, кв. 20 (ежедневно 2—5 ч. дня).

Отдѣльныя книжки (50 к.) въ Студіи, у издателя, въ кіоскахъ и книжныхъ магазинахъ.

Редакція открыта по воскресеньямъ (4—6 ч.) Театральная площ., 2.

Содержаніе книги 1-ой.

Стихи: А. Ахматовой, А. Блока, Ю Верховскаго и Вл. Пяста.

Вл. Соловьевъ. Къ исторіи сценической техники commedia dell'arte.

С. Вермель. Моментъ формы въ искусствѣ. **Любовь къ тремъ апельсинамъ.**

М. Ф. Г. Образцы ритмической интерпретаціи у русскихъ композиторовъ.

К. Вогакъ. Роза и Крестъ.

Hoffmaniana (1—Вл. Княжнинъ) Студія, хроника, Errata. Обложка Ю. Бонди.

С. Вермель. Иронія.

Вл. Соловьевъ. Къ исторіи сценической техники comedia dell'arte.

Вл. Пясть. Тирсо-де-Молина.

Вс. Мейерхольдъ. Памяти В. Ф. Коммисаржевской.

Вл. Соловьевъ. «Турандотъ», графа Карло Гоцци на русской сценѣ.

С. Радловъ. Новыя комедіи Менандра, кн. Г. Р. Церетели.

К. Вогакъ.—Спектакли Мольера.

Е. Знеско-Боровскій.—О книгѣ К. Эрбера «Цѣль творчества».

А. Чеботаревская. О театральныхъ диспутахъ.

Hoffmaniana—2, Хроника, Студія, Errata.

Редакторъ-Издатель *Вс. Мейерхольдъ.*

Содержаніе книги 2-ой.

Стихи: Ѳ. Сологуба, З. Гипсіусъ, Вл. Княжнина.

Вс. Мейерхольдъ и Ю. Бонди.—Балаганъ.

Съ марта 1914 г. въ Спб. выходитъ безпартійный журналъ новаго типа, подъ редакціей и при ближайшемъ участіи Ѳедора Сологуба

Дневники писателей.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно тетрадками не менѣе 2 печ. листовъ. Къ участию привлекаются поэты, беллетристы и критики. Задача журнала—знакомить читателей съ современными взглядами писателей на событія литературы искусства и жизни—въ свободной формѣ дневниковъ и замѣтокъ.

Подписка (2 р. за 12 №№) принимается въ редакціи: Разъѣзжая, 31, кв. 4, отъ 3—6 дня, у Митюрникова (Литейный, 31) и у Вольфа (Гостин. Дворъ, 18).

Въ 1 № произведенія и письма Бальтрушайтиса, Ѳедора Сологуба, М. Волошина, И. Рунавишникова, О. Миртова, Ан. Чеботаревской, А. Крандіевской, А. И. Куприна, Леонида Андреева.